

УДК 316.344.2-058.34

А. В. Поливода,

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,

Институт социальных наук, кафедра социологии

к.40, Французский бульвар, 24/26, г.Одесса-58, 65058, Украина, тел. 7435197.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ФАКТОРЫ УГЛУБЛЕНИЯ ДЕПРИВАЦИИ

На современном этапе в Украине не существует комплексных исследований депривации как сложного социального явления, ее причин, границ и масштабов. Однако именно в нашем обществе эта проблема чрезмерно обострена. Борьба с ней — в сочетании со стратегическими, долговременными нуждами формирования социального государства — становится приоритетной задачей социальной политики. При решении этой задачи нельзя не учитывать, что депривация — явление неоднородное, структура его, как и связанных с ним социальных проблем, весьма сложна.

Ключевые слова: депривация, социальная структура, социальное исключение, социальная поляризация, социальное неравенство, социальная политика.

Изменения, происходящие в Украине на современном этапе, имеют глубинный характер, они коренным образом трансформируют все сферы общественной жизни, и в первую очередь ее социальную структуру. События последних лет привели к интенсивному социально-экономическому расслоению населения (квинтильный коэффициент дифференциации доходов вырос с 2,5–3 раз в конце 1980-х до 7–9 раз в 2001 г. [1], децильный в 2003 г. равнялся 14 [2]). Есть основания говорить о происходящей поляризации в обществе, то есть направленности социальной и экономической мобильности к полюсам социальной структуры. Последствия этих процессов видны уже сейчас — формирование взаимоисключающих интересов "верхов" и "низов", "геттоизация" больших групп населения на низших уровнях социальной иерархии без перспектив улучшения их положения.

Социальная поляризация обусловлена кумулятивным характером социальных процессов, означающим концентрацию на одном полюсе богатства, а на другом — бедности. То есть наиболее вероятно закрепление высокого статуса и его дальнейшее повышение высокоресурсными группами (процесс "накапливания преимуществ"), представители же низкоресурсных групп в условиях конкурентного общества оказываются главными кандидатами на "углубление депривации", или "накапливание неблагоприятных социальных обстоятельств".

Проблема в общем виде состоит в том, что в настоящее время наше общество подходит к новому этапу развития своей социаль-

ной структуры [1], который можно обозначить как институционализация неравенства, или, в терминологии П. Штомпки, "возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям" [3]. Это закрепление неравных стартовых позиций для новых поколений, передача раз достигнутого высокого богатства и социального статуса детям и, напротив, лишение аутсайдеров и их потомков важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокирующее им возможности восходящей мобильности.

Давнюю традицию в построении различных схем воспроизводства социального неравенства имеют макроэкономические теории. Например, теории "порочных кругов нищеты", зародившиеся в западных экономических школах в 40-х гг. XX в., объясняют воспроизводство неблагополучных обстоятельств различных обществ через замкнутые циклы в развитии, в процессе которых общество проходит через ряд состояний, в итоге возвращаясь к исходному [4]. В социологии указанная проблема нашла отражение в работах К. Маркса (тезис о прогрессирующей поляризации общества и пауперизации пролетариата); М.Вебера в его понятии неравных "жизненных шансов"; в неозволюционистских теориях стратификации [5]. Анализ повторяющегося характера социальных процессов представлен в теории структуризации Э.Гидденса, рассматривающей воздействие каузальных витков.

Анализ последних исследований и публикаций. В настоящее время кумулятивному характеру социальных процессов большое внимание уделяется в концепции "социального исключения". В отличие от сформировавшейся в предшествующие годы традиции изучения бедности как статичного явления (недостаточного уровня потребления) новая концепция акцентирует внимание на динамических аспектах неравенства ("процесс исключения"). Она вводит понятие "множественности социальных проблем" — накапливания, взаимопорождающих негативных жизненных обстоятельств [6]. Появление этого подхода обусловлено ограниченностью "материального", статического подхода к изучению бедности, необходимостью использования неэкономических индикаторов, анализом ее в терминах "накапливания неблагоприятных обстоятельств". Концепция социального исключения активно ориентирована на практическую деятельность в сфере социальной политики. Она способствует пониманию того, что методы борьбы с бедностью в виде социальных трансфертов в лучшем случае позволяют поднять уровень потребления низших слоев, но не повышают "жизненные шансы" последних, фактически консервируя их ущемленное положение и зависимый от государства экономический статус. Также важно отметить, что рост благосостояния сам по себе не решает проблемы "накапливания неблагоприятных жизненных обстоятельств". К ней ведут не столько низкие доходы как таковые, сколько неравенство в доходах.

В последнее время понятие "социального исключения" стали использовать и постсоветские исследователи. Наиболее известны

работы Ф. М. Бородкина [7], результаты исследования исключений сельского населения [8]. Отечественная литература по проблемам бедности стала также оперировать понятием "кумулятивного характера социальных процессов".

В корне общей проблемы, на мой взгляд, лежит отсутствие в Украине системных исследований депривации как социального института, ее причин, границ и масштабов. Борьба с ней — в сочетании со стратегическими, долговременными нуждами формирования социального государства — становится приоритетной задачей социальной политики. При решении этой задачи нельзя не учитывать, что депривация — явление неоднородное, структура его, как и связанных с ним социальных проблем, весьма сложна.

Высказывается предположение, что при схожести внешних проявлений депривации ее общесоциальные черты в Украине и в странах с развитой рыночной экономикой сильно разнятся. В этом отношении весьма пронизательно наблюдение Д. Берто, которое должно послужить предостережением исследователям и политикам от отождествления тех или иных явлений на основании лишь очевидного внешнего сходства. "Хотя советские города напоминают по своей морфологии многоэтажные коробки, так хорошо знакомые и жителям Западной Европы, — пишет он, — тем не менее, они существенно отличаются от европейских городов системой скрытых в них социальных отношений" [39].

Основная цель статьи состоит в раскрытии сущности этих социальных отношений, имеющих принципиальное значение для понимания того, что представляет собой сегодня депривация как социальный феномен. В этом смысле важно, в частности, обратить внимание на факторы прогрессирующего неравенства, чтобы понять, какие факторы и механизмы препятствуют социальной поляризации.

Факторы прогрессирующего неравенства. Анализ отечественных и зарубежных публикаций позволяет дать качественную характеристику процессов накопления преимуществ / углубления депривации в разных сферах жизни общества и их причин.

1. **Процессы глобализации.** Самый масштабный уровень воспроизводства и углубления неравенства связан с тенденцией к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграции национальных капиталов — глобализацией. Результатом ее становится обострение международной конкуренции и, как следствие этого, накопление преимуществ развитыми странами и лишение бедных стран инвестиционных ресурсов, которые могли бы позволить им достигнуть уровня развития западного мира. Известно, что 72% мировых иностранных инвестиций в настоящее время приходится на капиталовложения США, стран ЕС и Японии друг в друга. Структура экономики стран "третьего мира", ориентированных на индустриальное производство и экспорт сырья, приводит в тупик: увеличение уровня потребления в них возможно лишь за счет сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов, что, в ко-

нечном счете, ведет к их истощению. Напротив, богатые постиндустриальные страны, обладающие таким безграничным ресурсом, как информация и знания, непрерывно увеличивают свой экономический и интеллектуальный капитал и тем самым укрепляют фундамент своего благополучия [9].

2. *Характер использования экономических ресурсов домохозяйств.* Большое количество исследований посвящено анализу ресурсов, которыми обладают экономические акторы. Однако объяснение механизма порождения неравенства доходов предполагает не только фиксацию "обладания" теми или иными ресурсами, но и выявление "характера их использования". Фактором укрепления экономического благополучия обеспеченных домохозяйств и дальнейшего ухудшения ситуации бедных является сама структура домашних расходов — преобладание у обеспеченных семей доли "стратегических", направленных на укрепление экономического и человеческого капитала семьи (инвестиции в образование, покупка недвижимости, сбережения), у бедных — текущих, направленных на выживание [10].

Помимо материальных расходов бедных и богатых домохозяйств, фактором, обуславливающим их поляризацию, является также объем временных затрат на домашний труд. В бедных семьях, где ограничены возможности пользования платными услугами, наблюдаются самые высокие трудозатраты на домашний труд (у мужчин — 30 часов в неделю, у женщин — 53), у обеспеченных — 20 и 41 час в неделю [11]. Соответственно, у богатых значительно больше возможностей перераспределять свое время в пользу оплачиваемой занятости, образования, досуга, то есть ориентироваться на максимизацию дохода и наращивание своего семейного капитала.

Кроме того, хорошая имущественная обеспеченность сама по себе может стать основой будущего благополучия состоятельных семей [11, 12]. В частности, наличие жилья в собственности — это средство сбережений, которое может быть передано следующим поколениям или конвертировано в денежный капитал. Для бедных же семей, арендующих жилье, последнее не является активом, поэтому расходы на его содержание принимают "затратный" характер.

3. *Человеческий капитал: неравный доступ к образованию.* Экономическое неравенство является отражением неравных инвестиций в общее и профессиональное образование [20]. Образование как фактор социальной дифференциации рассматривалось многими представителями социальной теории; связь системы образования с борьбой различных статусных групп за овладение богатством, властью и престижем через механизмы поддержки "своих" отражена Р. Коллинзом; проблема упрочения классового неравенства в школе поднимается неомарксистами [14].

В современной французской социологии социальная мобильность и неравенство возможностей рассматриваются через неравные возможности получения образования для разных социальных слоев и образовательные траектории индивидов. В частности, П. Бурдьё

отмечал, что скрытое назначение школы — это легитимация "наследников" и стремление убедить остальных в том, что они исключены законно [15].

Исследования в постсоциалистических странах также показывают, что степень открытости социальных структур в значительной мере обусловлена образовательной мобильностью. Так, вместе с углублением экономического неравенства появляется фактор "добавляющая сила социального происхождения" — закрывается доступ к образованию представителей рабочего класса, в то время как шансы получить высшее образование у выходцев из интеллигенции значительно возросли [16].

Проблема социальной селекции в системе образования, возможности трансмиссии высокого статуса и восходящей социальной мобильности рассматривается в работах Д. Л. Константиновского, Ф. Э. Шереги [17]. Отмечается сужение как социальной базы, так и территориального ареала пополнения студенчества: уже в середине 1990-х годов в его составе возрос удельный вес детей из высококурсовых групп — предпринимателей, интеллигенции и служащих и, соответственно, снизилась доля детей работников физического труда.

Результаты образовательного неравенства акцентируются в литературе, посвященной проблемам, основанным на знаниях и доступе к информации постиндустриального общества, где знание становится основным элементом общественного богатства. Интеллектуальное расслоение постепенно становится основой всякого иного социального неравенства, а проблема усугубляется тем, что знание, в отличие от материальных ценностей, неотделимо от своего носителя: его нельзя отнять, национализировать, перераспределить, и, следовательно, наследственная принадлежность к нынешнему "низшему классу" гораздо более жестка, чем принадлежность к индустриальному пролетариату [9, 18].

4. *Неравенство в профессиональной сфере: неравное вознаграждение.* Неравенство в профессиональной сфере проявляется не только в разном уровне оплаты, но в самом содержании и условиях труда. Структурные изменения на западном рынке труда наиболее неблагоприятны для представителей рабочего класса: они характеризуются ростом числа рабочих мест на неполную рабочую неделю, временных и низкооплачиваемых и соответственным сокращением доли "хороших" рабочих мест. Средний же класс характеризуется и более содержательной, и выше оплачиваемой работой, а растущий сектор услуг и производства интеллектуальных продуктов обеспечивает ему более стабильную занятость.

Наиболее глубоко прогрессирующее неравенство в профессиональной сфере рассмотрено Р. Мертоном в его статьях разных лет "Эффект Матфея в науке" [19], посвященных феномену получения неравного вознаграждения именитыми учеными и их малоизвестными коллегами за одинаковый вклад в научное исследование. Р. Мертон объясняет это склонностью научного мира вознаграждать

уже известных людей; психологической особенностью читателей относить первенство в публикации хорошо известному автору. Престиж известных ученых притягивает материальные и человеческие ресурсы в возглавляемые ими научные школы, что усиливает концентрацию ресурсов и талантов в одних научных центрах и препятствует другим достичь такого же уровня.

Подобную проблему поднимает, например, Г. С. Батыгин в контексте распределения ресурсов финансирования научных исследований [20]. Он выделяет такие факторы "эффекта Матфея" в науке, как научные регалии, принадлежность заявителей в конкурсах грантов к "проверенной" (привилегированной) научной школе, а также умение оформлять проект "по всем правилам бюрократической науки".

Исследования Т. И. Заславской и М. А. Шабановой [26] дают материал о кумулятивных процессах социального неравенства с точки зрения защиты трудовых прав работников. Занимающие более высокие социальные позиции имеют возможности устанавливать правила в соответствии со своими интересами, а значит, укреплять свои преимущества за счет тех, кто исключен из властных ресурсов. Попадание низкоресурсных работников (не имеющих надежных институционально-правовых противовесов) в неправомерное пространство аналогично попаданию в воронку: чем менее благоприятные позиции занимают они на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права и тем меньше шансов у них эти права отстоять. Более же "сильные" социальные группы, напротив, чаще включаются во взаимовыгодные неправомерные взаимодействия друг с другом.

5. Государственная социальная политика: характер перераспределения ресурсов. Сегодня постсоветская система социальной защиты нередко удаляет от ресурсов государственной поддержки именно наиболее остро нуждающихся. Созданная для выравнивания возможностей, она самым характером своей деятельности часто усиливает неравенство: к льготам легче получить доступ тем, кто имеет ресурсы [28].

Существующий порядок распределения социальной помощи в Украине сегодня не устраивает многих. Однако западный опыт показывает, что и адресный принцип не обеспечивает более высокие жизненные шансы "исключенных". Так, в числе сил, удерживающих аутсайдеров на социальном дне, называется система пособий, способствующая формированию "консервации бедности" [9]. Помощь, основанная на проверке нуждаемости претендентов, не стимулирует получателей пособий самостоятельно решать свои проблемы.

6. Установки и типы экономического поведения людей. На увеличение разрыва между бедными и богатыми влияют, кроме объективных (материальных) факторов, ценности и мотивации людей в экономической сфере, приводящие к разным моделям социально-экономической адаптации в целом. Исследование ментальных уста-

новок и особенностей индивидуального поведения социальных низов было популярно в англо-американской социологии 1960-х годов, в частности, в концепции "культуры бедности" О. Льюиса [27], где индивидуальные качества бедняков рассматривались как главная причина их пребывания на социальном дне.

Результаты исследований свидетельствуют о наличии тесной связи между длительным ухудшением условий жизни и снижением у многих людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности. В. Э. Бойков называет это "механизмом регресса", приводящим к люмпенизации части населения [9]. Он заключается в том, что в процессе снижения уровня жизни из сознания людей исчезают сложные социокультурные потребности, для них становится характерной жизнь одним днем, установка на выживание. В свою очередь, подобные установки возвращаются в хозяйственную практику. К.Муздыбаев также отмечает, что социальный опыт и навыки преодоления материальных трудностей у бедных неэффективны и ориентированы на выживание, а не на преодоление бедности [30].

Такие неэффективные стратегии являются и следствием, и причиной плохого экономического положения людей. Так, П. Штомпка [31] утверждает, что следы "блоковой культуры" в наибольшей степени характерны для "проигравших" в ходе реформ, в то время как успешно адаптирующиеся принимают капиталистическую культуру и обращаются к идеям индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности. Для последних характерны инновационные экономические стратегии, способствующие накоплению их материального и социального капитала как трамплина для успешной карьеры и подъема уровня жизни. Пассивные же стратегии в большей степени характерны для "проигравших" социальных групп.

"Неправильные" культурные установки часто формируются уже в процессе социализации детей. В связи с этим важной проблемой является межпоколенная передача депривации в беднейших семьях. Существуют данные о том, что в стабильных (благополучных) территориальных единицах вырастают успешные поколения, и наоборот, то есть передача различных форм преимуществ или депривации не ограничивается лишь влиянием семьи, она помещена в более широкий контекст. Данные зарубежных исследований показывают позитивную связь между плохими жилищными условиями и делинквентностью детей и подростков, их плохой учебой. Это даже породило термины "семьи с множественными проблемами" или "цикл передаваемой депривации": депривированные в детстве люди становятся родителями следующего поколения депривированных детей [32].

7. *Разрыв социальных связей.* Условия, в которых осуществляется совместное использование и воспроизводство ресурсов, оказывает сильнейшее влияние на генерирование человеческого капитала [30]. Окружающим свойственно тянуться к успешным людям, по-

вышая, таким образом, их социальный капитал. Неблагоприятные же жизненные события (потеря работы, дохода, болезнь), в свою очередь, нередко снижают социальный капитал индивидов, сокращая, соответственно, и их ресурсную базу в целом.

Особенно большое внимание распаду социальных связей уделяется в концепции "социального исключения". Приводятся данные, что в целом ряде европейских стран наблюдаются сильные позитивные корреляции между нестабильностью на рынке труда и разрушением брака. Еще в исследованиях П. Лазарсфельда в 1930-е годы отмечался феномен социальной изоляции безработных, и те же результаты показали исследования 1990-х годов. Авторы приходят к выводу, что в странах с самым низким уровнем бедности (Франция, Англия, Германия) бедные оказываются в изолированном меньшинстве и потеря работы почти автоматически ведет к остальным затруднениям [33]; бедные оказываются отвергнутым меньшинством, а благополучное большинство живет в страхе попасть в их число.

Факторы и механизмы, препятствующие социальной поляризации. Гораздо меньшее количество публикаций посвящено стихийным и целенаправленным механизмам противодействия депривационным процессам. Т. Шанин упоминает о стихийной "уравнивательной тенденции", препятствующей экономической поляризации крестьянских хозяйств России начала XX в. [35]. Наряду с интенсивными поляризационными процессами между зажиточными и маломощными хозяйствами наблюдались и встречные процессы уравнивания, связанные с разделом или слиянием хозяйств. Например, самый высокий уровень миграции в города демонстрировали полюсные группы: выходцы из богатых хозяйств уходили в купеческую деятельность, беднейших — пополняли ряды городского пролетариата.

О факторах разрыва "циклов депривации" пишут М. Руттер и Н. Мадж. Они говорят о том, что далеко не все дети воспроизводят родительские образцы депривации. Это объясняется индивидуальными качествами детей, когда реакции на стрессовые ситуации модифицируются характеристиками их темперамента. Активные, эмоционально устойчивые и обладающие способностью рефлексии дети в меньшей степени подвержены задержкам развития в деформирующих условиях и способны разорвать цикл депривации [32].

Прикладным аспектом научных исследований процессов социального исключения является выработка целенаправленных институциональных механизмов предотвращения накопления неблагоприятных социальных обстоятельств.

Возможности эмпирического изучения кумулятивных социальных процессов. Выработка строгих статистических моделей, позволяющих не только описать процесс накопления преимуществ богатых, с одной стороны, и углубления бедности — с другой, но измерить степень выраженности, вес тех или иных факторов, спо-

собствующих или препятствующих поляризации, и их взаимосвязи — задача, которая до сих пор не получила удовлетворительного решения. Основная сложность исследований такого рода заключается в необходимости учесть динамику процессов углубления неравенства, в то время как большинство исследований социальной структуры ориентировано на "статiku", фиксацию тех или иных социальных групп, являющихся результатом уже сложившегося неравенства.

Выводы. В самом общем виде процесс накапливания преимуществ можно описать как эффективное использование ресурсов, необходимых для достижения значимых жизненных целей, и расширение спектра доступных ресурсов по мере продвижения наверх. Процессы углубления депривации, напротив, — это нисходящее движение, когда каждая ступенька вниз, подобно воронке, сужает спектр доступных индивиду ресурсов и затягивает его еще ниже. Последствия кумулятивных социальных процессов и их причины тесно переплетены и взаимообусловлены, поэтому наиболее адекватно описывать их в терминах "цепочка преимуществ" или "замкнутые круги депривации".

По мере углубления в "воронку депривации" у людей все меньше возможностей самостоятельно оттуда выбраться, и приостановить этот процесс может только вмешательство извне, в частности целенаправленные воздействия социальной политики государства.

Однако подчеркнем еще раз, что для количественного анализа аккумуляции неравенства, установления "веса" факторов, препятствующих и способствующих ему, необходимо понимание многофакторных и интерактивных каузальных процессов, цепочки обстоятельств, а не идентификация и описание "случаев". Остается открытой тема о взаимодействии разных форм депривации, их механизмов, условий, при которых они усиливают или, напротив, нейтрализуют друг друга.

Как нетрудно заметить, кумулятивный характер социального неравенства, в особенности передача привилегий и лишений из поколения в поколение, имеет прямой выход на проблему справедливости. Посредством категории "социальной справедливости" маскируются взаимоисключающие интересы разных социальных групп и слоев; концепции справедливости владельцев ресурсов и неимущих классов прямо противоположны так же, как и точки зрения на проблему депривации. Отсюда и высокая оценочная нагруженность этой темы, трудность для исследователя оставаться идеологически нейтральным.

На мой взгляд, в современных условиях социологам и политикам необходимо сосредоточить свое внимание на проблеме дисбаланса между потребностью общества в налаженной, гибкой, научно-обоснованной системе социальной политики, которая могла бы обеспечить социальное благополучие (защиту и поддержку) населения, и отсутствием целостного и достоверного представления о социальном феномене "депривация". И работать над этой проблемой необ-

ходимо уже сейчас. При этом надо помнить, что депривация — это системное социальное явление, интегрирующее в себе социальные отношения и свойства институционального и поведенческого характера. Именно сейчас, в условиях трансформирующегося общества, особенно остро ощущается необходимость создания теоретического проекта изучения депривации, обозначив наиболее острые, а также латентные аспекты этого системного социального явления, вскрыв ее социальные механизмы воспроизводства, содержание и причины консервации в Украине. Только путем научных исканий возможно выявление содержательных особенностей депривации в Украине, связанных с трансформационными процессами в обществе, и отражение их соответствующим образом в социальной политике государства.

Литература

1. Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2001. — № 8.
2. Новости РБК, 19 февраля 2003 г. <http://top.rbc.ru/index1.shtml>.
3. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. — 2001. — № 9.
4. Нуреев Р. М. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. — 2000. — № 4.
5. Култыгин В. П. Исследования социальной структуры в переходных обществах // Социологические исследования. — 2002. — № 4.
6. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2.
7. Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. — 2000. — № 3, 4.
8. Чернина Н. В. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. — Новосибирск, 1996.
9. Бойков В. Э. Россия: десять лет реформирования // Социологические исследования. — 2001. — № 7.
10. Molenaar P. C. M. Longitudinal Analysis / Research Methodology in the Social, Behavioural and Life Sciences / Ed. by H. J. Ader and G. J. Mellenbergh. L.: Sage, 1999.
11. Web-сайт исследования <http://www.isr.umich.edu/src/psid/>
12. Web-сайт исследования <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms/home.html>
13. Schieman S. Age, Education, and the Sense of Control // Research of Aging. — 2001. — Vol. 23. — N 2.
14. McClelland K. Cumulative Disadvantage Among the Highly Ambitious // Sociology of Education. — 1990. — Vol. 63. — Issue 2; Lucas S. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // American Journal of Sociology. — 2001. — Vol. 106. — N 6.
15. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и "постиндустриальное" общество // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3.
16. Робертс Б. Неформальная экономика и семейные стратегии / Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. — М., 1999.
17. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. — 2000. — № 4.
18. Pahl R. Divisions of Labour. Oxford: Basil Blackwell, 1984.

19. *Becker G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
20. *Сорокина Н. Д.* Проблема взаимосвязи образования и социальной дифференциации в зарубежной социологии // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. — 2001. — № 2.
21. *Деруз Ж.-Л.* Социология образования: в поисках общества // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. 2. Современная французская социология.
22. *Константиновский Д. Л.* Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования. — М., 1999.
23. *Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В.* Социология образования: прикладной аспект. — М., 1997.
24. *Иноземцев В. Л.* "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. — 2000. — № 6.
25. *Батыгин Г. С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Науковедение. — 2000. — № 4.
26. *Заславская Т. И., Шабанова М. А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. — 2002. — № 6.
27. *Lewis O.* La Vida. NY: Random House, 1968.
28. *Балабанова Е. С.* Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. — 2000. — Т. 1. — № 2.
29. *Дмитриев М. Е.* Социальные реформы в России: итоги и ближайшие перспективы // Общественные науки и современность. — 1998. — № 5. — С. 21.
30. *Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. — 2001. — № 1.
31. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. — 2001. — № 2.
32. *Rutter M., Madge N.* Cycles of Disadvantage: A Review of Research. L.: Heinemann, 1976.
33. *Paugam S.* Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe // Journal of European Social Policy. — 1996. — Vol. 6. — N 4.
34. *Борисова Л. Г.* Подросток в бизнесе: социализация или девиация? // Социологические исследования. — 2001. — № 9.
35. *Шанин Т.* Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1095–1930 гг. // Социологические исследования. — 2002. — № 1.
36. *Becker G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
37. *Lokshin M., Yemtsov R.* Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia. Web-сайт Всемирного банка: <http://info.worldbank.org/etools/docs/pm2-lokshin.pdf>
38. *Берто Джузепе.* "Россия и итальянские государства в период Рисорджименто" — М., 1959.

Г. В. Полівода

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології
к. 40, Французький бульвар, 24/26, м.Одеса-58, 65058, Україна

СОЦІАЛЬНА НЕРІВНІСТЬ: ФАКТОРИ ПОГЛИБЛЕННЯ ДЕПРИВАЦІЇ

Резюме

До теперешнього часу в Україні не має комплексних досліджень бідності як складного соціального явища, її причин, меж та масштабів. Але саме у нашому суспільстві ця проблема надмірно загострена. Боротьба з нею — у поєднанні з стратегічними, довгостроковими потребами формування соціального суспільства — стає пріоритетним завданням соціальної політики. При вирішенні цього завдання неможна не пом'ятати, що бідність — явище неоднорідне, структура його, як і пов'язаних з ним соціальних проблем, дуже складна.

Ключові слова: депривація, соціальна структура, соціальне виключення, соціальна поляризація, соціальна нерівність, соціальна політика.

A. V. Polivoda

Department of sociology of Institute of social sciences,
the Odessa National University of a name of I. I. Mechnikova
st. 40, the French parkway 24/26, Odessa — 58, 65058, Ukraine.

SOCIAL INEQUALITY: FACTORS OF DEEPENING DEPRIVATION

Summary

Till now in Ukraine there are no complex researches of deprivation as difficult social phenomenon, its reasons, borders and scales. Though, this problem is excessively aggravated in our society. Struggle against it — in a combination to strategic, long-term needs of formation of the social state — becomes a priority problem of a social politics. At the decision of this problem it is necessary to take into account, that deprivation — the phenomenon non-uniform, the structure of it, as well as the social problems connected to it, is rather difficult.

Keywords: a deprivation, a social structure, a social exception, social polarization, social inequality, social policy.